

С.В. ЦИРЕЛЬ

Возможен ли в России честный конкурс?

Далекие от этой проблемы, возможно, ответят: “А почему бы нет? Ведь конкурсы бывают во всех странах, и у нас их немало...” Но те, кто хоть немного имели дело с конкурсами, я думаю, почти единогласно ответят “Нет!”. Люди, чьи дети поступали в вузы, имеют понятие о том, что творится на вступительных экзаменах. Научные сотрудники и деловые люди, подававшие заявки на различные конкурсы, знают, как трудно победить “человеку с улицы”. И наоборот, те, кто организовывали конкурсы, знают, сколько нужно приложить усилий по разрушению конкурсной системы, чтобы не победил тот нежелательный (и зачастую недостойный) персонаж (фирма, команда, проект...), который из-за дурацких условий набрал наивысший балл.

Почему же так происходит? В других странах проводят конкурсы и экспертизы, отбирают кандидатов в президенты, разнообразных “мисс”, лучший кинофильм и т.д. По конкурсу проводят экспертизы проектов и научных статей, а у нас бегут от конкурсов, как черт от ладана. В чем же такая наша особенность?

Стремление избежать конкурсов, выборов, экспертиз и других случаев прямой конкуренции свойственно не только России. Из книги Р. Бенедикт мы знаем, сколько усилий предпринимают японцы, чтобы уклониться от прямой конкуренции: “Испытуемые, добившиеся успеха, допускают мало ошибок и демонстрируют высокую скорость, работая в одиночестве, начинают ошибаться и замедляют темп при появлении конкурента. Они действуют лучше всего, когда соотносят свои настоящие результаты со своими же прежними, а не с результатами других людей. Японские экспериментаторы правильно проанализировали причину плохих результатов в соревновательных ситуациях. По их словам, если проект становился соревновательным, их испытуемых в первую очередь беспокоила опасность поражения, и от этого страдала работа. Они столь остро воспринимали конкуренцию как агрессию, что переключались на свое отношение к агрессору, вместо того чтобы сконцентрироваться на выполняемых действиях...”

Японцы всегда были изобретательны в поиске способов избежать прямой конкуренции... Их учителя (в начальной школе. – С.Ц.) действуют в соответствии с той инструкцией, что каждого ученика следует учить улучшать свои собственные результаты и что ему не следует предоставлять возможность сравнивать себя с другими... Стремлением к минимизации прямой конкуренции пронизана вся жизнь японцев” [Бенедикт, 2004, с. 192].

На эту особенность японской культуры обращают внимание и другие авторы. Как пишет В. Овчинников, «в крупных частных корпорациях и государственных учреждениях часто создаются клубы одногодков, то есть людей, принятых на работу одновременно. Все они ревниво следят за “равнением в шеренге”. Выдвижение одних дает основание другим претендовать на то же самое. Возможности для этого, однако,

Цирель Сергей Вадимович – доктор технических наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института горной геомеханики и маркшейдерского дела (Санкт-Петербург).

сужаются с каждой ступенью. И как только кто-то из данного поколения получает ранг заместителя министра или члена совета директоров, всем его ровесникам по неписаной традиции надлежит подавать в отставку» [Овчинников, 1975, с. 119].

Но Россия – совсем другой случай. У нас поражение не ведет к фатальным переменам в карьере и судьбе. Как правило, оно вообще почти не имеет дополнительных последствий. Отставание на полкорпуса, безусловно, понижает статус побежденного, но не лишает доброго имени или возможности победить в другой раз. Более того, популярная поговорка “за одного битого двух небитых дают” (в полном виде 60–65 тыс. упоминаний в “Яндексе”, первые три слова – 5 миллионов упоминаний!) даже поднимает побежденного над победителем.

Однако не только поражение в честной борьбе, проигрыш проекта, предложения, произведения, но даже публичный позор, обвинения в краже, плагиате, подлоге, клевете и т.д. не приводят к окончательной потере доброго имени. После некоторого, как правило, не слишком долгого периода “общественной епитимии” статус пойманного на гнусном поступке поднимается вновь и восстанавливается либо полностью, либо частично.

Казалось бы, при таком общественном отношении к проигравшим конкурсы и экспертизы в России должны проходить не хуже, а даже лучше, чем в западных странах. Но ничего подобного, все стремятся избегать их; результатам не верят (подделали, обманули, засудили...), а сами правила конкурсов обычно составляются бездумно и бестолково.

Первое возможное объяснение (которое чаще всего приходило в голову моим собеседникам) – авторитарный иерархический характер русской культуры. Мол, любой начальник или даже самый маленький человек, на время получивший власть над чем-то (или над кем-то), не хочет отдавать свое право выбирать бездушным правилам конкурса или мнению беспристрастного (в идеале) неподчиненного ему эксперта. С этим утверждением трудно не согласиться, но оно, очевидно, не отражает всего комплекса негативного отношения к конкурсам в России. Тем не менее в качестве экспериментатора на минуту поверим в справедливость этой версии. Тогда в число авторитаристов, если не самодуров, попадут многие тысячи профессоров и доцентов, не признающих письменных экзаменов и отдающих предпочтение личной беседе с экзаменуемым (зачастую более трудоемкой). Но более всего нас удивят результаты бесед с толковыми студентами: они тоже чаще предпочитают анкетам и тестам личный разговор с профессором.

Еще чаще люди не доверяют результатам различных экспертиз, даже если их проводили опытные высококвалифицированные специалисты. “Начальство приказало”, “ведомственные интересы (или интересы фирмы)”, “собственная заинтересованность” (обычно подразумевается небескорыстная), “за что заплатили, то и написали”, “проверял работу друга, знакомого, знакомого знакомых”, “правила написания отзыва столь дурацкие, что настоящего мнения выразить невозможно”, “не было никакого интереса: отзывы написали за пять минут, не вникая в суть дела” и т.д. И очень часто критики оказываются правы. Попутно отмечу, что в мотивы пренебрежительного отношения к результатам экспертизы входит не только приказ начальства или коррумпированность эксперта, но вместе с ними, наоборот, полная незаинтересованность эксперта. Так что мотив авторитарного подавления конкурсного механизма заведомо не охватывает всех случаев. Тем более он не может охватить и экспертизу, ибо при авторитарном способе управления начальник никак не менее заинтересован в независимых мнениях экспертов (которые он может принять во внимание, а может и вовсе не заметить), чем при демократическом.

Второй очевидный мотив – коррумпированность. Несмотря на свою простоту и широкую распространенность, его также нельзя объявить единственной или просто главной причиной провала у нас конкурсов и экспертиз. Ведь не подозреваем же мы в коррумпированности каждого профессора или доцента, предпочитающего устный экзамен письменным тестам.

Третий мотив, о котором уже шла речь, – незаинтересованность, небрежность. Его я не буду подробно разбирать, так как речь на самом деле идет о двух вещах. С одной стороны, действительно – о неорганизованности, небрежности, неумении рассчитывать время и т.д., с другой – о пренебрежительном отношении ко всем конкурсам, отзывам, экспертизам. Первое – характеристика плохо институализированной русской культуры вообще, и многих ее представителей в отдельности. Второе – следствие более глубоких причин низкого качества конкурсов и экспертиз в России, в конечном счете заставляющих не слишком хорошо организованного человека именно эту работу выполнять кое-как и в последнюю очередь.

Другой, как мне представляется, серьезный и глубокий мотив – хофстедское “избегание неопределенности” [Hofstede, 1980; 2001]. По результатам различных исследований, которые проводили или анализировали в своих работах Ю. и Н. Латовы [Латова, Латов, 2001; Латов, Латова, 2007; 2008], у российской публики (за явным исключением студенчества и вообще молодого поколения) значения индекса “степени избегания неопределенности (UAI)” имеют значения, близкие к мировым рекордам.

Здесь необходим целый ряд оговорок. Первая состоит в том, что из всего “букета” описания индекса UAI у Г. Хофстеда (конфликты рассматриваются как угроза стабильным отношениям, сильная потребность в консенсусе, отчетливое неприятие риска, стремление всячески уклоняться от неудач, сильная потребность в детальных законах и правилах и т.д.) российской культуре в основном свойственна лишь малая часть, связанная с самим названием индекса, – избегание неопределенности ситуации и необходимости выбора. Вообще, по-видимому, Хофстед слишком размашисто объединил в единый индекс три разных способа избегания ситуаций неопределенности и личного выбора:

- подчинение детализированной иерархии (японский или корейский способ);
- следование детализированному своду правил (способ, свойственный традиционной еврейской культуре и в меньшей степени немецкой и другим северогерманским культурам);
- подчинение вождю, его последним указаниям и его представителям (русский способ).

Эти способы могут сочетаться (например, “немецкий порядок” дополнялся властью фюрера, а китайская иерархия – властью императора и его чиновников), но могут и вступать в противоречие. О российском примере подчинения вождю при неуважении к правилам уже шла речь; в качестве другого примера можно привести редкость существования детализированных иерархий или появления вождей в еврейской традиционной культуре¹.

Вторая, не менее важная оговорка – необходимость учитывать иные черты российской культуры. По общему мнению, российской культуре свойствен фатализм, вера в не зависящее от нас стечение обстоятельств, не подразумевающее активных действий героя (не приводя результатов социологических опросов, ограничусь ссылкой на главу “Фаталист” в “Герое нашего времени”). Казалось бы, фаталист должен философски относиться к любым тестам, конкурсам, экспертизам, полагая, что результат заранее предопределен или по крайней мере зависит от чего-то, не подвластного людям.

Но стереотип российской культуры далеко не столь однозначен: наряду с фатальной верой в судьбу ей одновременно (хотя и не с таким постоянством) свойствен безграничный волюнтаризм, вера в возможность переломить ход событий в самой крайней ситуации, сделать что-то вопреки логике, вопреки любым ограничениям. Это сочетание при всей своей парадоксальности фактически вошло в стереотип описания национальной культуры. К примеру, А. Янов в качестве доказательства возможности превращения гумилевской “теории” в русскую фашизоидную идеологию указывал на сочетание в ней одновременно фатального детерминизма, марксизма и волюнтаризма

¹ Хотя само зарождение хасидизма явно означало поворот в сторону авторитета вождей в ущерб полному доминированию авторитета правил.

“русской идеи” [Янов, 1995, с. 210]. Опустим спекулятивные рассуждения о русском терпении и русской воле, о русском фатализме и русском волюнтаризме, о том, как эти идеи противостоят друг другу и каким образом эти крайности сходятся. Без дополнительных комментариев примем, что волюнтаризм (“русская воля”) скорее подразумевает веру в чудеса, чем в возможность самому их сотворить. Поэтому “волюшка-воля” нечасто означает полное подчинение событий воле героя, чаще она превращается в столь же безрассудное следование героя (“маленького человека”) чужой воле, хотя и более добровольное, чем подчинение Медному всаднику.

Однако нам важны не эти легко оспариваемые обобщения, а менее спорное нежелание выбирать промежуточный случай (пример “избегания неопределенности”) – экспертизу, где приговор (не обязательно окончательный) твоему труду выносят эксперты; конкурс, где твои знания (пригодность к какой-то деятельности) оценивает неведомая тебе комиссия, состязание (например, спортивное), где решение выносят судьи и/или ревушая толпа, и т.д. В этот список с некоторыми незначительными оговорками попадают демократические выборы и состязательный суд (в первую очередь, суд присяжных).

Что заставляет россиянина протестовать против подобных способов решения, искать обходные пути, блат, заступничество сильных мира сего, попросту – давать взятку? Почему человек не хочет покорно ждать решения, выносимого легально назначенными “оценщиками” по заранее сформулированным правилам? Причем, как легко понять, нежелание принять результаты конкурса или экспертизы – не фатализм и пассивность, а зачастую, наоборот, незаурядная активность. Разве легко за несколько дней или часов найти того облеченного властью и коррумпированного чиновника, который способен повлиять на окончательное решение, или пасть в ноги большому начальнику, суметь прорваться к нему на прием и найти слова, которые разжалобят каменное сердце! К сожалению, эта недюжинная активность направлена не на созидание системы экспертизы и объективного выбора, а на ее полное разрушение.

Одна из причин уже упомянута выше – недоверие к суду равных. По широко распространенному мнению, право судить – прерогатива высших, с чем согласны не только сами высшие (что вполне понятно), но и низшие. Лишь решение высшего начальства воспринимается как фатум, как окончательный приговор, как непреодолимая воля. Как писал А. Блюм, в России почтение к первым лицам сочетается с недоверием к промежуточным инстанциям, неприятием любой явной власти, отличной от власти центральной [Блюм, 2004].

Вторая, по-видимому, более важная причина – неуважение к правилам и законам, неприятие формальных правил, не способных охватить всех жизненных случаев. В [Цирель, 2005] я разделил культуры народов на теплые и холодные. В группу холодных, имеющих и уважающих свои законы, обычаи и правила, попали одновременно западные и дальневосточные культуры. В группы теплых культур, у которых правила плохо устоялись, и в самых стандартных ситуациях заново складываются отношения не между носителями социальных ролей, а между конкретными людьми, попали культуры России, Латинской Америки и Африки. Неустойчивость правил, неуважение к ним влекут за собой их крайне низкое качество: наши законы противоречат сами себе и еще больше друг другу, к ним постоянно дописывают дополнения, изменения, подзаконные акты, инструкции к подзаконным актам. А в решающий момент высокие начальники могут вообще наплевать на закон, приняв какой-то новый акт, имеющий мало точек пересечения со всей действующей системой законодательства.

Перманентно низкое качество законов и постоянное неуважение к ним порождают наплевательское отношение у законотворцев, которые, выслуживаясь перед начальством или попросту за взятку, кроят и перекраивают законы до совершенно неудовлетворительного состояния. Кроме того, само начальство, несмотря на давность падения самодержавия, по-прежнему полагает, что законы пишутся только для подданных, а они свободны в своих решениях от любых ими же подписанных бумажек. Конечно, в демократическом (согласно Конституции) государстве об этом крайне редко заявляют

вслух, но скандалы типа “Алтайгейта” (см., например, [Рачева, 2009]) высвечивают истинное отношение высшего начальства (в том числе ответственного за проведение процедуры принятия законов) к любым правилам.

А если равные нам (судьи, члены комиссий, эксперты) судят по таким плохим и неустойчивым законам, то на чем основано их право судить нас и результаты нашего труда? Почему их личная корыстная или бескорыстная подгонка своих взглядов, мнений, интересов (отсутствия интереса), личных расчетов, карьерных соображений, корявых правил во взаимоотношениях с третьими лицами – высшее решение для нас? Мы тоже не лыком шиты (или, наоборот, шиты тем же самым лыком) и сами можем поискать высшего суда, справедливости или удовлетворения собственных интересов (эти понятия и цели могут путаться и мешаться) в других местах, не менее почтенных, чем “их” комиссии.

Таким образом, неуважение к законам порождает низкое качество законов, а низкое качество стимулирует еще большее неуважение к ним. И лишь взятка, чье-то бескорыстное заступничество или слова “большого барина” могут выпутать нас из причудливых кружев и страшных удавок беспостыдных и противоречивых правил.

Чтобы пояснить описываемые рассуждения, приведу простой пример. Допустим, эксперт **Б** (и по совместительству хороший знакомый **А**) написал отзыв на работу **А**. После *n*-ой рюмки **А** спрашивает **Б**: “Ну, ты написал отзыв, отзыв хороший, спасибо. А что ты на самом деле думаешь об этом?”. **Б** может честно ответить на этот парадоксальный вопрос, может уклониться от ответа, может (искренне или нет) подтвердить письменный отзыв и т.д., но сам вопрос не покажется ему странным, неискренность (в том числе прямая лживость) отзыва не нарушают принятого порядка вещей, и в ней могут быть заподозрены практически все эксперты в любой ситуации.

Предыдущие примеры в основном оправдывали нежелающих принимать результаты конкурса или экспертизы, но есть вещи, не заслуживающие столь развернутого оправдания. В первую очередь, это российский вариант избегания неопределенности – страх перед публичным справедливым судом, перед турниром по гамбургскому счету, перед соревнованием, в котором выясняется, сколько на самом деле стоят твои знания, умения и даже сила твоего желания победить. Недостаток терпения, неумение достойно пережить состояние неопределенности, отсутствие готовности стоически переносить поражения и т.д. – это тоже присутствует в нашей культуре. И во многом поэтому, между прочим, у нас так мало людей, умеющих и желающих вести честный бизнес.

Но, как известно, любой недостаток – продолжение наших достоинств, а достоинства, соответственно, могут быть продолжением недостатков. Нежелание и неумение проводить конкурсы и экспертизы по заранее заданным правилам оттачивают искусство экспертизы без правил. К числу самых популярных искусств подобного сорта относится устный экзамен: экзаменатор угадывает области знания и понимания (и наоборот, незнания и непонимания) предмета экзаменуемым и потом долго “топчется” именно по этим областям. Как легко видеть, такой экзамен состоит из двух этапов: 1) неформального поиска областей, по которым надо “топтаться”; 2) более формализованного “топтанья” по этим областям. Исходя из такого (разумеется, не слишком точного) описания, несложно уяснить и недостатки подобной проверки: многие области хороших знаний (и/или полного невежества) могут оказаться пропущенными, придается слишком большое значение некоторым частным вопросам в ущерб остальным; начиная с определенной стадии экзамена, экзаменатор не столько проверяет знания студента, сколько уточняет свое уже сложившееся мнение и т.д. И тем не менее, как правило, опытный экзаменатор вместо беглой пробежки по необъятной территории изучаемого предмета, тщательно осматривает самые важные места и выносит достаточно обоснованное мнение, в глубине души не оспариваемое и самим студентом.

Это правило двух этапов – неформального поиска важнейших мест (сторон, аспектов и т.д.) и более формализованного их анализа вполне переносится на экспертизу самых загадочных явлений. Приведу один, на мой взгляд, весьма показательный пример. В конце 1980-х гг. в России (а в мире и в более раннее время) возник огромный интерес

к феномену ощущений в состоянии клинической смерти, к различным рассуждениям об отделении души от тела, туннелям, ведущим в иной мир, и другим темам книги Р. Моуди “Жизнь после смерти”. Немало людей поверили и продолжают верить сегодня в эти построения, базирующиеся на множестве свидетельств прошедших через клиническую смерть. Сам Моуди как добросовестный исследователь рассматривает самые разнообразные объяснения, в том числе сверхъестественные (религиозные), психологические и естественно-научные (фармакологические, физиологические и неврологические и т.д.). Однако нерелигиозные версии оказываются неполными или противоречивыми, и религиозное толкование выходит на первое место. Замечательный российский историк А. Гуревич в своей небольшой популярной статье «“Жизнь после жизни”, или Нечто о современности и средневековье» [Гуревич, 1990], сопоставляет видения наших современников в предсмертном состоянии с видениями средневековых людей, которым тоже (хотя существенно реже, чем ныне) случалось возвращаться из состояния клинической смерти. И находит совсем иную картину: средневековые люди видели то, что им полагалось видеть в соответствии с их верой – Страшный суд, рай, ад, Деву Марию и т.д. И их слова, в том числе предсмертный бред, включавший ответы на Страшном суде, были такими же свидетельствами совсем иной картины ухода в иной мир, как и наблюдения докторов Моуди, Э. Кюблер-Росс и других в наши дни [Моуди, 1990; Кюблер-Росс, 2001].

“Люди боятся смерти, и они видят блаженный потусторонний мир, в котором смерти нет. Недаром они возвращаются из этого парадиза более смелыми и не страшящимися небытия. Страх современного человека перед смертью столь велик и всепоглощающ, а привычка к удобствам и удовольствиям вешней цивилизации столь сильна, что приводит к полному пересозданию самого образа мира иного: в нем нет уже ни суда, ни наказания, ни, соответственно, ада или чистилища. В перспективе остается один только рай — для всех без исключения, даже для бандита-мафиози, сколько бы душ при своей жизни он ни загубил. Человек освободился от чувства греховности и метафизической вины, он даже не сознает себя достойным загробного блаженства, он воспринимает его как некую данность, это то, что ему положено без всяких затрат или предварительных условий” [Гуревич, 1990, с. 35].

Придирчивый критик может сказать, что объяснение Гуревича неполное, что он не растолковывает часть феноменов, отмеченных Моуди, например взгляд на свое тело и всю обстановку со стороны, и т.д. Но Гуревич и не претендует на полное объяснение всех реакций организма на пороге жизни и смерти, он смотрит на это явление с другой стороны, и то, что казалось “медицинскими фактами”, превращается в социально-психологический феномен, а явления разных эпох сливаются в единую картину. Разумеется, этот пример может показаться неубедительным, да и трудно убедить того, кто не хочет верить.

Но я не буду приводить других аргументов и примеров, ибо моя цель не в том, чтобы обратить читателя в свою веру, моя задача была много скромнее – показать, что при экспертизе сложнейших непонятных явлений очень часто можно выбрать такой взгляд на вещи, при котором сложные явления оказываются много проще, чем под другими углами зрения. При этом методы, свойственные данному взгляду (данной науке), позволяют описать феномен с такой определенностью, что зачастую даже появляется возможность строить (верные или неверные) сценарии-прогнозы развития событий. Главная проблема заключается в том, что выбор такого взгляда на явление не может быть строго формализован, он либо нащупывается методом проб и ошибок, либо приходит как озарение, причем иногда локально для одного-единственного явления, а иногда – для целого класса явлений, и называется новой теорией, новой парадигмой и другими почетными названиями.

Можно привести еще немало примеров, когда неформальная экспертиза, основанная на интуитивном (полуинтуитивном) выборе области, к которой относится анализируемая проблема, дает нетривиальные результаты, недоступные формальной экспертизе. К кругу таких примеров, на мой взгляд, относятся и наиболее эффектные

результаты футурологии, и вообще вся проблема прогноза будущего, но это тема отдельной статьи.

Однако никакие достижения в неформальной экспертизе сложнейших проблем не могут заменить решение банальной для западной культуры задачи² – массового проведения конкурсов и экспертиз по рядовым поводам и вопросам, включая выборы в парламенты и советы различных уровней, прием абитуриентов в вузы и новых сотрудников на работу, распределения бюджетных средств без взяток и откатов... Я, естественно, не знаю чудодейственного способа избавления от коррупции чиновников, самодурства начальства, блата, “радения родным человечкам” и т.д. Поэтому ограничусь лишь некоторыми достаточно тривиальными замечаниями.

Если даже в Японии с ее полным неприятием лобовых столкновений удастся проводить экспертизы, конкурсы и выборы в парламент (разумеется, качество японского парламентаризма уступает лучшим европейским образцам), то вряд ли в России, где даже нельзя точно определить главную причину массовых провалов конкурсов и экспертиз, все же существуют абсолютно непреодолимые препятствия к их проведению. Более того, опыт приема на работу в новые фирмы, сдачи экзаменов TOEFL (и других экзаменов) по международным правилам, обучение студентов и аспирантов в западных университетах, участие в иностранных конкурсах говорят о том, что даже без специальных усилий среди молодого поколения происходят подвижки, повышающие уровень проведения конкурсов в России (что хорошо коррелирует с более низкими значениями хофстедовского индекса неопределенности у молодого поколения³). Разумеется, резкое снижение частной инвестиционной деятельности и приема на работу новых сотрудников в частных фирмах при одновременном расширении государственного финансирования с его откатами, блатом и т.д. тормозят этот процесс и грозят повернуть процесс вспять, но пока, как мне кажется, баланс либо нулевой, либо положительный.

Другим, на мой взгляд, полезным действием, было бы прекращение навязывания конкурсной системы там, где она явно превращается в карикатуру (советская уравниловка на фоне имитаций конкурсов была бы скорее шагом вперед, чем отходом назад). Кроме того, можно хотя бы в порядке эксперимента попробовать отменить те виды конкурсов и экспертиз, которые давно уже потеряли всякое сходство с честной оценкой и соревновательным процессом. Например, заменить защиты диссертаций, результат которых заранее известен, и оппоненты выступают не как противники или независимые эксперты, а как группа поддержки, обязательным выступлением автора диссертации на семинарах в 5–10 ведущих научных учреждениях с предварительной рассылкой автореферата 200–300 ведущим специалистам⁴. Или попробовать принимать абитуриентов в вузы по французскому образцу, то есть с большим перебором, а потом требовать от них сдавать вступительные экзамены (по специальным дисциплинам) по окончании первого курса. Ну и напоследок, отменить систему закупки всего и вся в бюджетных учреждениях по так называемым “конкурсам”. Возможно, это и привело бы к росту коррупции, но высвободило бы множество рабочих рук, а отвращение к слову “конкурс” хотя бы немного уменьшилось.

² Характеристика “банальный” отнюдь не означает абсолютную честность и объективность всех западных конкурсов и экспертиз, политических выборов или судов присяжных. Мне лично известны примеры коррупции и блата и еще более многочисленные примеры недопустимо большого влияния культурной и научной моды, превратно понятой политкорректности и общественного мнения в целом на результаты конкурсов и экспертиз. Тем не менее конкурсы, выборы, экспертизы, суды и т.д. в западных странах проводятся, а оспаривание их результатов представляет собой скорее исключение, чем правило. Более того, многочисленные примеры показывают, что при известных способностях, старании и внимании к формальным и неформальным традициям и моде у никому неизвестного российского человека есть шансы выиграть у аборигенов, имеющих куда большие возможности личных контактов с членами жюри.

³ Возможно, часть разгадки такого совпадения различных оценок заключается не в культурологических, а в возрастных различиях: чем старше человек, тем в среднем он менее комфортно себя чувствует в неясных неопределенных ситуациях, требующих неочевидных актов выбора.

⁴ Конечно, “стыд – не дым, глаза не выест”, но даже в России невозможно публично опозориться 5–10 раз подряд без ущерба для репутации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенедикт Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб., 2004.
- Блюм А.* О политической системе в России после путинских реформ // Неприкосновенный запас. 2004. № 6.
- Гуревич А.Я.* “Жизнь после жизни”, или Нечто о современности и средневековье // Знание – сила. 1990. № 11.
- Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании. М., 2001.
- Латов Ю.В., Латова Н.В.* Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. 2007. № 4.
- Латова Н.В., Латов Ю.В.* Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. 2001. № 4.
- Латов Ю.В., Латова Н.В.* Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. 2008. № 5.
- Моуди Р.* Жизнь после смерти. М., 1990.
- Овчинников В.В.* Ветка сакуры. М., 1975.
- Рачева Е.* Вернулись к своим баранам // Новая газета. 2009. 6 мая (<http://www.novayagazeta.ru/data/2009/046/07.html>).
- Цирель С.В.* QWERTY-эффекты, *path dependency* и закон Седова // Общественные науки и современность. 2005. № 5.
- Янов А.Л.* После Ельцина: “веймарская” Россия. М., 1995.
- Hofstede G.* Culture's Consequences: Intern Differences in Work-related Values. London, 1980.
- Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. London, 2001.

© С. Цирель, 2010